

Проходят годы, одни быстрее, другие медленнее, но каждый следующий кажется короче предыдущего. Мы лучше узнали себя, научились сознательнее отметить прочь все лишнее, мешающее сохранить свежесть восприятия, творческое отношение к делам и событиям, а в работе это самое важное.

Мы дети военных лет. Годы эти оставили свой след в нашей жизни, сердца наши не зачерствели. Мы ясно сознаем цену наших успехов и неудач, радости и печали.

Твое сердце никогда не было скупым. Ты всегда делилась своей радостью с нами, товарищами по второй студии Художественного театра имени Я. Райниса, со своими коллегами, со зрителями и становилась от этого богаче. У тебя всегда доставало внутренних сил наедине пережить свою горе и неудачу. На это редко кто способен, это под силу только мужественному, самоотверженному сердцу.

Меня всегда поражало твое горение в работе. Ты бралась за роль со всей присущей тебе энергией, твердо отстаивая каждое свое предложение, каждое слово. Ты умеешь беречь роль, как частицу самое себя, — тебе чуждо равнодушие, одно из самых худших качеств в человеке.

Много лет назад Смилгис и Эртнер свели нас, только что закончивших студию, в пьесе «Рассвет над Москвой». Эта была твоя первая большая роль, и я был твоим главным партнером. Для меня эта роль также была одной из первых. И хотя пьеса не отличалась особо интересной драматургией, мы были бесконечно счастливы, что можем играть. Еще и сегодня кажется: твоя маленькая Саня шагает где-то рядом — и со мной, и с тобой. Это было прекрасное, романтическое время, когда мы забывали о еде, об отдыхе, все наши мысли были заняты студией, нас волновала любая задача, поставленная перед нами. Все наши помыслы и усилия были направлены к одной цели — служить избранной профессии. И, может быть, никогда больше тебе не довелось испытать такую радость от премьеры — ведь это был первый твой успех.

Ты играла много, и роли были самые разные, в большинстве своем суровые, резкие характеры. И все-таки сквозь них я всегда видел доброго человека, горячее сердце. По-

рой достаточно одного только слова, а может быть, только мимолетного взгляда, которому бы подчинился партнер, который бы подействовал на публику, словно лазерный луч. Вспомним «Играл я, плясал». В последней сцене Тот, решившись на жертву, говорит мальчику из народа (тебе): «Мальчик, подай мне этот нож». Ты стоишь, преклонив колено, и в твоём взгляде столько боли, такая жалость к Тоту, которому надо подать нож, что ты не можешь этого вынести и закрываешь глаза. В ходе спектакля это вроде бы мелочь, краткий миг, но именно этот краткий, и в то же время столь значительный миг дал мне силы довести действие до

ПИСЬМО КОЛЛЕГЕ

такой кульминации, которая, по-моему, близка Райнису и сути созданного им образа. Спасибо тебе!

Твои роли всегда были искрящимися и меткими. Я помню твою Марию в «Двенадцатой ночи» Шекспира. В нее ты вложила весь свой задор и жизнерадостность. Она была исполнена оптимизма, она была словно бутон каштана.

Столько светлых, жизнеутверждающих образов, сколько было сыграно тобой, вряд ли найдется в репертуаре какой-либо другой актрисы. Думаю, что именно твоя Даце вместе с Угисом Павула в «Лете младшего брата» заставили зрителей полюбить Гунара Приеде. В «Девушке Нормунда» этого же автора твоя роль оказалась одной из самых удачных. В пьесе Яниса Лусиса «Найденная радуга» ты сыграла мягкую Илзе. В пьесе Миервалда Бирзе «Началось с черного кота» — медицинскую сестру. В пьесе Венцы Виганте «Одиножды один» — неудовлетворенную жизнью Лигию Дзелме. И, наконец, одна из последних — Ксения Адерберга в пьесе Паула Путьня «Желанный квартирант». Интересная, характерная роль богатая убедительными нюансами. Можно было бы перечислять и дальше. В «Варварах» Горького — Притыкина. Какое точное воплощение эпохи и стиля! И, наконец, твоя

последняя работа, посвященная 100-летию Янсудрабина, — образы Нате и Смайдн. Два абсолютно противоположных характера в один вечер. Играть такие полярные образы в одном спектакле — большое счастье, и ты справишься со своей задачей блестяще. Именно в этом спектакле проявилось твое существо актрисы — от образа искренне любящего человека к суровому, резкому характеру, в котором, однако, просвечивает ненавязчивая нежность.

Не хотелось бы тебя захваливать, как это делают обычно в дни юбилея. И тебе присуще кое-что, отнюдь не отвечающее идеальным качествам, но это проявляется редко и быстро исчезает, как летний град. Об этом не стоит говорить, потому что не это главное. Главное — красота, которая была вчера, которой мы любимся сегодня и которая будет в будущем. Красота, словно ветка сирени, которая всегда должна хранить утреннюю росу, и тогда ее аромат будет сильнее, и от этого наши будни и для тебя, и для всех нас станут светлее и чище.

Храни всегда эту ветку сирени.

Харий Лиепинь.

На снимке: актриса Художественного Академического театра Латвийской ССР им. Я. Райниса Рута Шлейере. Фото Р. Улманиса.